

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ДЕПОРТАЦИЙ

Л.Н. Дьяченко

Исследования показывают, что по мере реализации программ индустриализации и коллективизации в СССР в целом и в Средней Азии в том числе, этнические депортации становились фактором, провоцировавшим массовые репрессии, которые являлись элементом комплекса принудительно-репрессивных мер советского руководства.

Ключевые слова: депортация; принудительно-репрессивные меры; социальные репрессии; этническая депортация; антисоветские элементы; коллективизация; показательные процессы.

Социальные депортации, проводимые на территории СССР, можно подразделить на три этапа.

В 1918–1920 гг. они диктовались законами военного времени, сопровождались “открытой вооруженной схваткой антагонистических социальных сил в борьбе за упрочнение Советской власти” [1, с. 20] и являлись формой борьбы за выживание.

В 1921–1936 гг. депортации были направлены на уничтожение потенциальных врагов и связаны с планами и задачами советского руководства. Начало этапа характеризуется курсом на новую экономическую политику (НЭП) и совпадает с проведением земельно-водной реформы и началом государственного строительства, поэтому в большинстве политических дел при-

сутствуют обвинения в экономических и хозяйственных преступлениях. С появлением в 1926 г. т. № 58 УК РСФСР, которая играла роль инструмента, державшего в страхе все население Советского Союза, обвинения по классовому признаку перестали подкрепляться соответствующими статьями. Так Советское государство намеревалось в короткий срок решить собственные экономические проблемы. Повышение трудовой дисциплины, промышленное освоение малозаселенных территорий, разработка новых ресурсов и строительство предприятий тяжелого машиностроения – все эти проблемы необходимо было решить в кратчайшие сроки, поэтому правительство приступило к реализации программы индустриализации и коллективизации.

В 1936–1948 гг. к массовым политическим репрессиям добавляются этнические как способ решения геополитических задач и метод “наказания” народов за сотрудничество во время Великой Отечественной войны. Этнические репрессии разрушали культурные устои традиционных сообществ, проживавших на территории СССР.

Волна репрессий уничтожала управленческую верхушку, тогда как рядовые исполнители наказывались выселением и трудовыми работами. Эти факты имели место как при раскулачивании, так и в борьбе с политической оппозицией 1936–1939 гг. Репрессии 1937–1938 гг. охватили все слои советского общества, структуры и учреждения государственного и партаппарата.

Внешние проявления массовых репрессий 1937–1938 гг. – аресты видных деятелей партии и государства, науки и культуры, многочисленные показательные процессы над “шпионами, заговорщиками и вредителями” – широко отражены в исторической литературе. Вместе с тем другая, скрытая сторона, когда сотни тысяч рядовых граждан были репрессированы по разнарядкам на аресты и расстрелы, до сих пор не может считаться хорошо изученной.

Механизм и основная направленность массовых арестов впервые стали проясняться из опубликованных в 1992 г. документов Политбюро ЦК ВКП (б) о начале “генеральной чистки” [2]. Направленность, механизм и количественные показатели этой акции были заданы приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. [3, с. 766–780]. Созданные для решения судьбы арестованных на местах “тройки” бесконтрольно выносили приговоры и отдавали приказы о приведении их в исполнение. 31 июля 1937 г. приказ НКВД был утвержден Политбюро, которое санк-

ционировало увеличение лимитов на репрессии на 16,8–22,5 тыс. человек. Причины “второго наказания”, уже в местах ссылки, как представляется, в том, что депортированные, подняв сельское хозяйство и промышленность национальных территорий СССР, стали более востребованы на новых стройках страны. Аргументом в пользу этой версии является тот факт, что “вторая репрессия” была более жесткой. Только по Дальнему Востоку к 1 апреля предписывалось репрессировать 57,2 тыс. чел., из них 48 тыс. – расстрелять; продлевались и сроки полномочий “троек”, которым предстояло осуществить эту работу.

После утверждения “контрольных цифр” на репрессии, местные руководители просили об увеличении лимитов и продлении сроков операции. За февраль–август 1938 г. утверждена разнарядка на репрессирование еще 90 тыс. человек [4]. Открытые судебные процессы выполняли пропагандистскую роль. Политбюро давало санкции на проведение основных процессов и определяло приговор, чаще всего – расстрел.

Официальные, строго засекреченные подсчеты по репрессиям 1937–1938 гг., сделаны в 1950-е гг. и с тех пор не пересматривались. На июньском (1957 г.) Пленуме Н.С. Хрущев огласил следующие цифры: за 1937–1938 гг. арестовано свыше 1,5 млн человек, из них 681 тыс. – расстреляны [5, с. 120]. В справке комиссии под руководством Н.М. Шверника, составленной в начале 1963 г., можно обнаружить более точные сведения: в 1937–1938 гг. было арестовано 1 372 392 чел., из них 681 692 чел. расстреляно [6].

В число арестованных не включены депортированные, ссыльные и арестованные, погибшие под пытками в результате “следственных действий” при проведении массовых репрессий. Но даже неполное перечисление акций свидетельствует о централизации процесса. В репрессивных операциях 1937–1938 гг. присутствовала известная доля стихийности и местной “инициативы”. На официальном языке эта стихийность называлась “перегибами” или “нарушениями социалистической законности” [7, с. 125–128].

В чем причины массовых репрессий 1937–1938 гг.? Официальная идеология свидетельствует: жертвами предвоенных чисток действительно были враги. О причинах репрессивных акций советского периода можно судить по способам их организации и по результатам. Основной целью “операций” 1937–1938 гг. было уничтожение потенциальной “пятой колонны” и повышение мобилизационной готовности общества и партийно-государственного аппарата.

Обрушившись изначально на бывших активных оппозиционеров, репрессии захватили все слои общества. Анализируя период окончания социальных репрессий, можно сделать, в качестве предположения, следующий вывод: была выполнена основная задача – благодаря труду заключенных выстроена экономика Советской страны, получившая рабочую силу, дисциплинированность которой была основана на страхе.

Последующие события указывали на то, что жертвы репрессий определялись по анкетным данным. Соответствующий учет всего контингента населения велся в НКВД и партийных органах. После команды из Москвы на местах составлялись списки, согласно которым производились аресты и расстрелы. Все это позволяет рассматривать чистку конца 30-х гг. как следствие репрессивной политики, проводившейся в предшествующие годы. С особой жестокостью расправлялись с лидерами партии, в том числе и в национальных республиках. Массовая кадровая “революция” времен репрессий предопределена многими причинами и обстоятельствами, и прежде всего тем, что с каждым новым глобальным проектом СССР проводилась чистка высшего и среднего звена его руководящего состава. Последняя масштабная зачистка советской бюрократии проводилась с 1937 г. и до начала Великой Отечественной войны.

Как представляется, Сталин готовил эту операцию задолго до 1937 г. Еще в 1933 г. на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) [8] он развивал тезис об обострении классовой борьбы и усилении государственной власти в процессе создания бесклассового общества, заявляя, что “уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления” [9, с. 211]. Сталин поставил задачу “развезть в прах последние остатки умирающих классов” и перечислил категории потенциально опасных элементов для советского руководства: “частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы” [9, с. 110, 207]. Но реализовывать эту программу он не торопился. Более того, в мае 1933 г. было принято постановление [10, с. 110–111] об ограничении кампании массовых выселений и арестов, что незамедлительно сказалось на статистике арестов: если в 1933 г. за контрреволюционные преступления было арестовано 283 029 чел., то в 1934 г. – 90 417 чел. [11, с. 203].

После убийства С.М. Кирова (1 декабря 1934 г.) И. Сталин приступил к реализации намеченных планов, обосновав проведение репрессивных кампаний наличием в стране многочисленных внутренних врагов и бывших оппозиционеров. К лету 1937 г. репрессиям были подвергнуты бывшие члены партийных оппозиций, верхушка РККА, Коминтерна и руководящий слой партийных функционеров и советских управленцев.

В Киргизии 13 июня 1933 г. бюро Киробкома партии, приняв к сведению информацию ГПУ Кирг. АССР “О вскрытой контрреволюционной сыдыковской повстанческой организации в Киргизии”, предложило райкомам партии “районов, в которых производилось массовое изъятие контрреволюционных элементов”, усилить массово-агитационную работу. Партийным и советским органам поручалось “принять решительные меры по очистке советского аппарата от социально чуждых элементов” [12, с. 183].

Предвестником массовых репрессий среди национальной интеллигенции стало уничтожение “социал-туранской партии”. По этому делу в 1933 г. было привлечено 23 человека. Но с течением времени численность репрессированных граждан росла, так как по воле следователей “появились” региональные филиалы партии, а затем в 1937–1938 гг. аресты приобрели массовый характер [13, с. 44]. Около ста человек были осуждены в конце 1938 г. и приговорены к различным мерам наказания, в абсолютном большинстве – к расстрелу [14, с. 93].

Согласно приказу № 00447, репрессии среди руководящего состава республик были начаты во всех регионах 5 августа 1937 г., в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР – 10 августа, Восточно-Сибирской области, Дальневосточном и Красноярском крае – 15 августа. В первом разделе приказа были перечислены “контингенты, подлежащие репрессии”. Цель приказа – “окончательно решить вопросы внутренней оппозиции и установить социально-политическую однородность советского общества”. Подобная точка зрения была высказана И. Сталиным в докладе о проекте Конституции СССР 25 ноября 1936 г., когда он утверждал, что экономические и политические противоречия между социальными группами в СССР стираются и “старая классовая исключительность исчезает”, и важно “раз и навсегда покончить” с “антисоветскими элементами” [15, с. 550].

Таким образом, И. Сталин, устраняя потенциальных и вероятных противников как в центре,

так и на местах, методом репрессий, планомерно реализовывал план по превращению СССР за короткие сроки в мощную индустриальную державу. Одним из способов реализации этого плана являлась программа коллективизации и раскулачивания. Перевод единоличного крестьянского хозяйства на путь социалистического развития – одна из основных задач, провозглашенных Советским правительством в первые годы после победы революции в России.

Следующий этап приобщения деревни к социалистическому строительству – это превращение крестьянина в “пролетария от сохи”, т.е. поэтапная коллективизация. Первоначально руководство во главе с В. Лениным считало, что производственное кооперирование крестьянских хозяйств – это длительный и трудный процесс, где нельзя обойтись без технологической реконструкции сельского хозяйства, так как она имела первостепенное значение для переделки психологии мелкого российского земледельца [16, с. 45]. Частью этой системы была производственная кооперация сельхозпроизводителей в коллективные хозяйства [17, с. 83]. В крестьянской среде такая форма кооперирования популярностью не пользовалась. Артели объединяли основные средства производства – большую часть земли, часть скота, сельскохозяйственные машины и крупный сельхозинвентарь.

Эксперименты, проводимые большевиками над деревней, имели одну важную цель – унификацию сельхозпроизводства под единый государственный комплекс [18, с. 896]. Зерновой кризис 1928 г. и нехватка рабочих рук в промышленности заставили ускорить поиск путей решения зерновой проблемы и коллективизацию [19, с. 43]. В частности, был принят Земледельческий кодекс, ограничивающий аренду земли и запрещающий ее аренду для кулаков.

В 1929 г. приступили к форсированной коллективизации. Реализация программы партии по раскулачиванию и коллективизации деревни предусматривала ряд моментов, включающих контроль размещения высланных кулаков на местах. Одним из важнейших аспектов контроля было создание спецпоселений. Государственная политика в области спецпоселений отличалась прагматическим характером и преследовала решение целого комплекса задач. Помимо экономических, при создании спецпоселений преследовались политические и идеологические цели: “Нужно утвердить в сознании народа утопически-уравнительные принципы коммунизма, опорочив трудовое единоличное

крестьянское хозяйство, искоренив психологию зажиточности” [20, с. 59]. Модель спецпоселений как метода постоянного контроля, частично ограничивающего свободу передвижения, впоследствии с “успехом” использовалась при этнической депортации.

В Средней Азии создание коллективных хозяйств проходило в несколько этапов и завершилось практически накануне нападения Германии на Советский Союз. Характер социальной и классовой дифференциации киргизского аила и переселенческой деревни обуславливался типом хозяйства, сохранением форм имущественного неравенства. Немаловажную роль в процессе разложения хозяйств играли арендные сделки, которые в нач. XX в. сочетали феодальную и капиталистическую формы эксплуатации, отвечая запросам бай-манапов [21, с. 256].

С приходом большевиков к власти среди кочевого населения осуществлялась последовательная политика, направленная на полный переход к оседлости и земледелию. Однако бывали случаи, когда вчерашние кочевники, вследствие провокации кулаков, баев и манапов и из-за собственной неприспособленности к оседлой жизни, “перезимовав в поселках, с ранней весны уходили кочевать, бросая сады, пашни и огороды” [22, с. 230]. К моменту образования Киргизской автономной области в 1924 г. на каждые 100 хозяйств в среднем приходилось 28 оседлых, 51 кочевое и полукочевое киргизское. В 1927 г. из 14,5 тыс. киргизских хозяйств 62% составляли кочевые и полукочевые [23, с. 67]. Ускоренное оседание кочевого и полукочевого населения было необходимо и в целях “повышения культурного уровня и материального благосостояния народа, обеспечения быстрее темпов реконструкции хозяйства, позволяющей уйти от малоэффективного натурального и полунатурального уклада” [22, с. 164].

К концу 20-х гг. на оседлость перешли 42 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств, но 85 тыс. оставались в прежнем состоянии. На февральском (1931 г.) Пленуме Киробкома партии была принята резолюция “О состоянии и развитии животноводства”, в которой указывалось: “Социалистическая и техническая реконструкция, подъем культуры и улучшение материальных условий существования трудящихся масс кочевых и полукочевых районов находятся в теснейшей связи и зависимости от проведения мероприятий по оседанию последних” [23]. Для руководства работой по оседанию в 1931 г. были созданы: 3 апреля – республиканский комитет

при СНК под председательством Ю. Абдрахманова; 18 октября – сектор при Наркомземе; 17 декабря – районные комитеты [23]. Были разработаны и утверждены положения, по которым они действовали.

На республиканский комитет при СНК Киргизской АССР возлагался ряд обязанностей: популяризировать идею оседания; определить районы оседания и разработать план его проведения; наметить мероприятия по экономическому и культурному подъему оседающих хозяйств [24, с. 64]. В июле 1931 г. III пленум Киробкома утвердил мероприятия на ближайшие годы по переводу на оседлость кочевого населения [23]. Таким образом, одновременно с созданием коллективных хозяйств Советская власть проводила ускоренную политику по оседанию кочевников.

Литература

1. *Шертобитов В.П.* К вопросу о формах классовой борьбы в Киргизии в период социалистического строительства // АН Киргизской ССР. Объединенная научная сессия, посвященная 40-летию Киргизской ССР и Коммунистической партии Киргизии: Тез. док. Фрунзе, 1966.
2. *Геворкян Н.* Встречные планы по уничтожению собственного народа // Московские новости. 1992. 21 июня.
3. Книга памяти жертв политических репрессий. Ульяновск, 1996.
4. *Rittersporn G.T.* Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933–1953. Philadelphia, 1991.
5. Исторический архив. 1994. № 2.
6. Массовые репрессии оправданы быть не могут: Об антиконституционной практике 30–40-х – нач. 50-х гг. // Источник. 1995. № 1.
7. Исторический архив. 1992. № 1.
8. *Сталин И.В.* Правда. 1933. 10 января.
9. *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951.
10. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
11. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4157.
12. 1937 г. в Киргизии (Возвращенные имена): Сб. статей и очерков / Под ред. К.К. Каракеева, В.М. Плоских. Бишкек, 1991.
13. *Плоских В.М.* Манас не признал себя виновным. Бишкек, 1993.
14. *Дятленко П.И.* Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999 гг.). Бишкек: КРСУ, 2010.
15. *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М.: Госполитиздат, 1953.
16. *Бор М.З.* Единство экономики СССР и советских республик. М.: Знание, 1970.
17. Народное хозяйство Средней Азии в цифрах. Ташкент, 1929.
18. *Киселев А.Ф., Щагин Э.М.* Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). М.: ВЛАДОС, 1996.
19. *Мошков Ю.А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации. М., 1966.
20. *Кириллов В.М.* История репрессий и правозащитное движение в России. Екатеринбург, 1999.
21. *Сапелкин А.А.* Аграрные отношения в Киргизии в начале XX века. Фрунзе: Илим, 1977.
22. КПСС и Советское правительство о Советском Кыргызстане: Сборник документов (1924–1974). Фрунзе: Кыргызстан, 1974.
23. *Джунушалиев Д.Д.* Особенности аграрной политики в Кыргызстане в 20–30-х гг. XX века // URL: <http://www.soviethistory.ru/sovhist/a-34.html>
24. Братское содружество союзных республик в развитии народного хозяйства СССР. 1917–1971. М.: Мысль, 1973.
25. Народное хозяйство Средней Азии / Орган Среднеазиатского экономического совета. Ташкент, 1924–1938.